

Марс и Венера.

Светлой памяти Владимира Микаэляна и Сюзи Саркисян

Имена эти прочно вошли в биографию ЕГУ, ибо университеты держатся на таких, как они, вне зависимости от того, ушедшие ли они или оставшиеся. Благодаря им университеты приобретают смысл, университетские здания превращаются в символ, а страны стяжают целесообразность. С их помощью студенты держат оборону против всего косного и формального, счастливы искать, познавать и рады выбору профессии. Такие как они презирают внешнее механистичное познание, дерзают знать больше, чем обыкновенный рассудок, освобождая душу-пленницу от рук тех, кто заиклен на самом поверхностном слое жизни. Именно это стремление, надеемся, очень понадобится им сейчас, когда они заснули для одного и проснулись для другого. «Пора проснуться, то есть умереть, - говорил Л.Толстой. Избави Бог жить только для этого мира. Чтобы жизнь имела смысл, надо чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим» (Иван Бунин. "Освобождение Толстого").

Их уход разломал кафедру клинической и социальной психологии не на «до» и «после», не на «с ними» и «без них», а на «незнание» и «распознавание» их в нас и нас в них, но не глазом и ухом, а той частью существа, которая независима от условий на Земле.

Одним из условий их пребывания на земле было их совместное присутствие в одном пространстве, по крайней мере последние два десятилетия, а условием их убытия из этого мира была разница в два дня, когда за ним, еще не преданным земле, ушла она, как бы вдогонку... Если же они решили уйти вместе, кто я такая, чтоб их разъединить? Поэтому сначала разговор пойдет о них совместно, а уже потом - в отдельности.

Они не то, чтобы радовались друг другу при встрече, они радовались друг другом, радовались самому факту, что они есть друг для друга. «Сьююзии...», - почти пропевал он при встрече, и они принимались за неспешный разговор, контекстом которого была какая-то особая позитивность. Они установили между собой своеобразную почву общения, при котором один - *Марс* – увлеченно говорил, другая – *Венера* – не только неизменно соглашалась, но заранее была готова согласиться. При этом разговор мог быть серьезным или смешливым, тематически сложным или ни о чем, но было видно: говорили нуждающиеся в дружественности друг друга и понимающие друг друга души, а лучшим доказательством этого понимания был их одновременный отказ от всего, что есть в этом мире. Их смерть оказалась не только пробным камнем их гармонии здесь, но и чаянием их взаимной помощи там, от возможности которой хоть немного бледнеет наше отчаяние.

Владимир Микаэлян (или, как его окрестил наш бывший декан, «Микаэл джан») был сензитивно восприимчив к идеям, в которых улавливал сколько-либо слабый луч света. Как никто ценил он живую мысль, вдохновлялся сам и зажигал ею студентов. Сколько раз я была свидетелем его восхищения по поводу тех или иных найденных им откровений в отношении психического или телесного, – вычитанных или самостоятельно добытых. «У этого автора я на такую мысль наткнулся...!!!» или «Знаете, я понял, что...!!!». Такие моменты приравнивались к чуду. И это было вдвойне утешительно и удивительно, что из мира, в котором мы живем, помимо многого необходимого для более или менее ощутимого чувства жизни, исчезло не то, чтобы благоговение перед чем-нибудь или кем-нибудь, но попросту уважение. Почти уничтожена в человеческой психике расположенность к красивой и истинной мысли, а также «значимый другой», неизменно сопровождающийся чувством благодарности к таковому, и это не банальная вера в авторитет, а этический ориентир и показатель вкуса. Для многих теперь все люди – на одно лицо, а все мысли – на один лекал, чтобы ничто не напоминало о ценностях и не отвлекало от «ценников». Последние, т. е. университетская бюрократия, выигрышные социальные роли, чины, статусы, степени (сколько труда стоило, например, уговорить его написать докторскую), были не про него, хотя он хорошо знал себе цену, но ничего не предпринимал для внешнего ее подбивания. Так, он никогда и ни при каких обстоятельствах не лизоблюдничал, и брезговал онными, а меж тем их пруд пруди в госуниверситете (последний их просто пестует!) и за ее пределами. «У них нет клаустрофобии», – хохотал он над ними, намекая на юркость влезания в узкие места нужных людей.

Иначе не могло и быть. Для «иначе» он был слишком хорошим психологом, осознающим, что любая маска в угоду социуму потрясает основы здоровья, нарушает идентичность «Я» и противоречит красоте. Вот выдержка из одной из многочисленных статей, указывающая на трезвое отношение к ролям: «Социальные роли, строго говоря, являются тем же процессом диссоциации личности, только носят они контролируемый и временный характер», а за выпячивание роли человек платит незаметной для него утратой чувства «Я», т.е. безумием (Юнгианские чтения, кафедра социальной психологии, ЕГУ, Ереван 2014, стр. 66). Стоит отметить также его оригинальный стиль письма, правда сам он не заботился о том, кто и насколько его поймет, потому что сложнейшие вещи писались легко и часто без оглядки на эмпиризм. «Знающий не доказывает, доказывающий не знает», – соглашался он с Лао-цзы, и не дожидаясь, пока «слепая курица найдет зерно» (т. е. эмпирического исследования), обрушивал на читателя свое, несколько «сгущенное» понимание предмета. Однажды Ж. Ж. Руссо отозвался об авторе какого-то опуса следующим образом: «Когда читаешь вашу книгу, разбирает охота побегать на

четвереньках» (Письмо к Ж. Ж. Руссо от 30 авг. 1755 г.). Когда читаешь В. А. Микаэляна, начинаешь больше ощущать себя прямостоящим.

Весь путь его в профессии был посвящен проблеме времени, наблюдению за его поведенческими «замашками» в норме и патологии личности. Стоит ли говорить, что время в его понимании не было синхронизировано и линейно, не было ограничено рамками биографии, и вместе с пространством представляла мистерию, и оно-таки выдернуло его из пространства туда, где пространство не препятствует ему осуществиться, и вне зависимости от последнего, ожившие воспоминания набегают когда и где им заблагорассудится. О времени он знал, казалось бы, все, кроме того, что настало время ему уйти. В болезнь он не верил, наоборот, даже принял ее с каким-то вдохновением. «Я столько чего преосмыслил, и вправду болезнь есть учитель!», - сказал он незадолго до ухода. Осознавая воспитательные смыслы болезни и замечая, как в результате болезни усилилось его чувство жизни, тем не менее, такой энтузиазм показался мне зловещим, очевидно потому, что одни и те же вещи, в зависимости от зрения с одной и другой стороны, видятся по-разному.

Лавируя в мысли между временным и вечным и пытаюсь поймать и сохранить в сознании «длящееся настоящее», он мастерски интерпретировал сновидения, откапывая в рудниках образов золотые и неслучайные параллели чувственного и сверхчувственного. Он сделал время своим интимным, личным делом, но во времени не уместился, оставшись ее пасынком. Надо было ему родиться немногим раньше или многим позже, после того, как содержательное одержит победу над формальным, когда познание станет сакральным действием, когда изменится отношение к истине, которая, по выражению М.Мамардашвили, «как наша планета Земля, ни на чем не покоится, кроме нашего непосредственного опыта». И только сейчас он попал в сферу перманентной юнгианской синхронизации, где нет ничего случайного, но все выстраивается в пространственно-временную цепочку постижимой, высшей мудрости, в том числе временное местонахождение среди истиноненавистников.

Впрочем как психоаналитик и юнгианец он мог их и многое другое объяснить еще, так сказать, при жизни. Но вопреки все объясняющим психоаналитикам, заместившим Бога Фрейдом, и от этого получившим «сдвиг по фазе», Владимир Микаэлян сохранил адекватность и разум, хотя по долгу службы застревал в фрейд-юнгианских интерпретациях. Потому что опирался только на одно: на настойчивый призыв к сознанию против множественных форм бессознательного, за что пациенты и студенты были ему признательны.

За 20 лет работы ему приходилось читать разные, подчас несовместимые курсы (например, «Психоанализ власти» и «Психосоматика», «Социальная психология» и

«Аналитическая психотерапия»), но не было случая, чтобы с новым курсом он хоть сколько-либо снизил планку. Благодаря смолоду обретенному фундаменту глубоких, разносторонних и «правильных» знаний, каждый курс лекций был ему «к лицу». Прекрасный лектор и психотерапевт, потрясающий рассказчик, он, как из рога изобилия не уставал дарить, давать, преподавать, сохраняя при этом неослабевающую волю к ученичеству, благо, что на выбор учителя ему хватило нравственного чутья. Не поголовно, но многие понимающие его студенты принимали его сразу и навсегда. «Самый лучший», - говорили они, понимая, что они в отношении профессии «попали в обойму».

Но лучшие всегда неудобны и, конечно, ЕГУ здесь не исключение. Поэтому не было дефицита в завистниках, клеветниках и стукачах «наверх». Сразу после его прихода в университет властолюбивые, сребролюбивые, вороватые, жуликоватые и жадные учуяли опасность – обрисовывался неприятный фон для их дилетантизма. И надо же было этому случиться, что в это самое время среди студентов ввели регулярный соцопрос. К вящему неудовольствию многих рейтинг Владимира Акоповича оказался самым высоким (тогда в ЕГУ была одна кафедра психологии), после чего все на время притихло, чтобы с регулярной активностью обновляться - по поводу и без.

Все это - как сказал бы Ницше - «человеческое, слишком человеческое», разумеется, не ново и даже ожидаемо. Не нова также самая благодатная реакция на подобное – юмор, о котором стоило бы сказать отдельно.

Микаэляновский юмор стрелял метко и без подготовки, и мог бы быть отмечен знаком качества, если не считать пару-тройку случаев, когда его раненное эго не преодолело рубеж, за которым обида разбавляется шуткой и растворяется до десятых, а в идеале до сотых или даже тысячных потенций. Это был настоящий юмор, творческий, импровизационный, эдакий юмор-подлинник. Он был настолько живой, так точно ложился в тему, так совпадал по смыслу с ситуацией (не в пример плоским посредственностям, заранее заготовливающим свежий анекдот и начисто лишенным чувства юмора), что казалось, что он держит в уме остроумные памятки на любой случай жизни. И никаких повторений – все всегда ново, как и полагается юмору.

Студенты охотно растаскивали сказанное им на цитаты, и вообще, озарялись улыбкой от одного произнесения его имени. Он много шутил на лекциях, перемежая сложное с легким. Это были точные аналогии из истории и литературы, уместные анекдоты, байки и случаи из практики. Так изобилуют дети своими рассказами...

Ассоциации по контрасту вынуждают вспомнить двойной идиотизм гуманитарных факультетов современных университетов. Во-первых, допускается и даже поощряется

точка зрения, что лектор есть тот, кто заучивает учебник данного курса, потом идет в университет и рассказывает это студентам. Во-вторых, в наш век высоких технологий лектор есть тот, кто выводит заранее написанный текст на экран, потом его тупо вслух прочитывает для аудитории. Что и говорить, on-line обучение как нельзя приходится таким лекторам по вкусу, точнее, по безвкусию. Вы скажете: «А схемы и пр...», но не естественнее начертить их мелом, благо, что иллюстративного материала в нашей специальности не так много и это не главное.

Лектор - тот, кто умеет синхронно создавать смыслы на глазах у аудитории, и В. Микаэлян это умел. В аудитории он был явно «на своем месте», ибо его было «всего понемногу»: эксперт, нарцисс, артист, властелин, мотиватор, инспиратор, смутьян, игрец, мудрец, юнец. К тайнам Космоса относится то, что Марс юн и порывист, в отличие, например, от старого и степенного Сатурна. Именно это, думается, побудило его, молодого психолога, оставить троих маленьких детей и отправиться в Карабах в 90-е. Он прошел тяготы войны и вернулся с ранением, от которого каждую весну ныло тело, в то время как некоторые, водимые за нос отнюдь не ноющей природой своего тела, наживались на войне и землетрясении.

До конца дней своих он сохранил какой-то юношеский задор. Как положено Марсу, у него были и бойцовские качества, но он компенсировал эмоциональные реакции острым словом. Было в нем сочетание зрелости и детскости, что попеременно удивляло, а иногда и злило, поскольку при условии зрелости не хотелось верить в его наивность. А секрет был в том, что обе стороны он реализовал, и наша задача была только в том, чтобы эти стороны не спутать.

Как и для многих, семья для него была силой и слабостью одновременно. Он весь сиял, когда речь заходила о детях и внуках, и не раз благодарил судьбу за чудесную супругу. В этом ему повезло. Думаю, в остальном тоже. И нам. С ним.

Сюзи...Я застала ее зажатой между двумя а-ля авторитетами психологической науки. Ей явно не хватало воздуха и надо было скорее вырвать ее оттуда и вогнать в свежий, бодрящий и благодатный простор под названием «Психология творчества». Влюбившись в смыслы творчества и освоив приемы плавания по безграничному океану искусства, было рукой подать до арт-терапевта, а потом и до того, чтобы щедро делиться своими навыками и вдохновением со студентами, которые любили ее и которых любила она сама.

Можно считать это гуманным или антипедагогичным, но она умудрялась быть им другом. Как? Имея неослабевающий интерес не только к их учебным, но и личным проблемам. То же и в отношении коллег. Она знала о боли каждого, не забывала и не уставала поддержать и утешить. И это при условии, что работала за троих, и еще при

условии со всех ног мчащихся вокруг деловых людей, которые с высунутым языком и частым дыханием догоняют и перегоняют друг друга, имея в сердце единственное все перекрывающее опасение: успеть, схватить, «не лохануться», дотянуться до степеней, званий, медалей, грантов и прочего себя возвышающего вплоть до методичных попыток рекета специальности в печально известном ВАК-е. Куда там до чьих-либо личных проблем в кислотной среде экзистенциального холода и социального дарвинизма.

Ан нет! Саркисян Сюзи могла. Могла подробно расспросить, неспешно выслушать, подбодрить, восхититься чем-то в собеседнике. На комплимент а свой адрес быстро отговаривалась чем-то типа: « Да, вот так», и смеялась, как бы стесняясь принимать его очень серьезно на свой счет. Что удивляло, так это то, что ее собеседники сами раскрывались, сами делились с ней сокровенным, сами невзначай выбалтывали долго скрываемое, будучи уверены в ее конфиденциальности, в отсутствии злорадства, зависти, высокомерия, снобизма. Вот почему с ее уходом многие почувствовали зияющую пустоту, заполняемую таким другом, который всегда был на «его» стороне.

С ней было уютно. Одним своим присутствием, не произнося ни слова, способна была она создать атмосферу доверия, зону безопасности, воздушное пространство какой-то всеобщей родственности. Все происходило в соответствии с суфийской мудростью: «Человек - это не то, что он говорит, и не то, каким он кажется, а атмосфера, которая создаётся в его присутствии. Вот что является свидетельством. Ибо никто не в состоянии создать атмосферу, не принадлежащую его сущности».

Одним из свидетельств ее сущности явилось то, что она взвалила на себя больше, чем могла нести, от чего часто подводил ее «ее ослик» - так называл свое физическое тело св. Франциск Ассийский. Она «затыкала» его докучания сильными препаратами, чтобы не провалить занятие со студентами, тренинг с группой или сеанс с пациентом. Если бы смерть не была бы судьбой, можно было подумать, что тело отомстило ей за «игнор», заразившись вирусом, сразу за которым душа ее заразилась страхом, не позволившим бороться с болезнью, и она, по свойственному ей обыкновению, согласилась и приняла смерть.

Что невозможно было сделать, так это ее обидеть. На ней была какая-то защитная оболочка, и даже в очевидных случаях, вместо жалобы на обидчика, ограничивалась чем-то типа «а... очень надо». Создавалось впечатление, что при удобном стечении обстоятельств она этого обидчика еще и приголубит. И не потому, что была робкого десятка, а потому что была так мило устроена. Не зря я прозвала ее «Венерой». Как считают астрономы, у планеты Венера нет спутника потому, что она ни с кем во Вселенной не сталкивалась.

Пространным рассуждениям на научные темы она предпочла ...дело. Она постоянно что-то делала – от нарезания фруктов на кафедре до работы с глиной со студентами. Она носилась по этажу факультета и Центру прикладной психологии с гуашью и акриловыми красками, в особом настроении приподнятости, которая воздаётся только тем, кто имеет дело с искусством. То и дело хвалила она кого-нибудь из магистрантов, подспудно гордясь им сама, когда показывала талантливые рисунки, например, мандал с их интерпретациями. Кому-то эти образы и их интерпретации могут показаться фантастическими и диковинными, но она знала: найти точный образ идеи – значит сделать незримое зримым, не в пример психологам, превращающим очевидное в «слепое пятно». Будучи лектором, она знала головой, будучи арт-терапевтом она узнала по-новому то, что знала - узнала красками, звуками, пальцами. Она научилась сама и обучала других не только осмысливать идеи, но и чувствовать их, не только мыслить мысль, но вращать в образный мир имагинаций.

Сюзи полюбила ваяние, живопись, музыку. От нее тои дело было слышно что-то типа: «Сегодня на музыкотерапии разбирали холериков в связи с Бетховеном, я растормошила их не хуже М.Казиника!»). Она настолько тонко чувствовала цвета, что, как сказал Рильке об одной умершей художнице, «взвешивала пальцами их груз», а мы, встречая какой-то изумительный цвет, обыкновенно говорили: «Сюзин цвет»... Разве не логично предположить, что если она приучила себя к чувству цвета здесь, то они не покинут ее там, и разве главный Красильщик здесь не Тот же, что и там?

Жизнь в бытовом отношении ее не слишком баловала, но это не отражалось на ее жизнелюбии, энергичности и веселом нраве. Ничего не мешало ей быть сверхзаботливой матерью, «сверх», потому что по-матерински она себя вела со всеми детьми. В обоих случаях материнства она внешне так легко несла иго ответственности, что трудно было догадаться о ее жизненных тяготах. Они же проявлялись внезапно и невпопад. Так, года три назад, в самый разгар свадьбы младшей дочери, она с облегчением заговорила о выполненном долге по отношению к своим детям. «Все, я это сделала», - сказала она, и вдруг добавила: «Да, но если завтра я умру, кто меня на кафедре заменит?» Это внезапное беспокойство в свои какие-то 52 года было услышанным ею первым звуком погребального перезвона, а по-научному - видом околомертного переживания, которое может наступить задолго до несчастного случая или смертельной болезни.

Принято считать, что с никем не понятым коронавирусом, который заготовил ей путь в иной мир, не справляются те, у кого отсутствует никем не понятый иммунитет. Годами имея дело с искусством, которое по природе своей сверхчувственно, как и мир, в котором живет сейчас ее душа, она приобрела мощный иммунитет против иллюзий и ловушек чувственного мира. Жизнь без образов, безобразная жизнь была бы для нее безобразной.

В этом смысле ее недолгая жизнь была прекрасной, как и она сама. Как же не быть таковой самой Венере? Просто теперешняя Венера отличается от прежней лишь степенью плотности, если сравнить материальное тело и сверхчувственный световой образ.

В заключение вновь объединим Венеру с Марсом.

Среди скопа психологов, бесстрастно занимающихся душой, оба они были пассионарными личностями по отношению к профессии. Все, чем они были заняты в ней, пронизывало их изнутри. Поэтому им удавалось увлечь, заразить и зажечь страстью к специальности. Чтобы это доказать, достаточно было после них войти в аудиторию. Может быть, когда-нибудь ученые научатся определять изменения в химическом составе воздуха в зависимости от того, кто в ней находился и какие мысли имел. Но кто знал этих двоих, доказательств не нужно, и чем больше таких пассионариев в университетах, и, соответственно, чем меньше тех, кто возбуждает волю к звериной соревновательности, тем крепче будет стержень у молодых и стержень нации в целом.

Сюзи и Владимир отталкивались от практического единства тела (не случайно, что телесно-ориентированная психотерапия оказалась в руках одной, а вдумчивые духовно-научные психосоматические корреляты у другого), души и духа, и сознавали, что обязанность психолога – познавать дух, открывающийся в символах и образах. Эмпирическая конкретика последних противостояла эмпирической конкретике веры единственно в мясо и кости. Эта вера стремительно приводит к творимой в мире безладице, безумию и скорби. Но одновременно с этим вступает в силу закон изменения сознания и принятия иной психологической событийности.

Теоретики пассионарности утверждают, что пассионариям легче умирать, потому что они подготовили свои души для духовной реальности, создав щит против ошеломленности, растерянности и великого страха при переходе через порог этого мира.

Горе тем, кто его не создал! И, как говорили иудеи, «горе тем, кто примет одеяние Торы за саму Тору».